

Глава 3.

"Так расследование официально закончено?"

"Да, это так, Томаш. Это еще не объявлено, но мой оффис видел черновик." Шимон Земковский вздохнул с другой стороны покрытого белоснежной скатертью стола и покачал головой с несчастным выражением. Он поднял свой стакан водки, сделал глоток, поставил стакан и посмотрел в него. "Грустное дело. Очень грустное," сказал он.

"Да, конечно, это так." Томаш Шпондер откинулся в кресле и посмотрел на молодого человека. "А расследование пришло к каким-то выводам, как это случилось?"

"Просто один из тех несчастных случаев, которые никто не может предвидеть," ответил Земковский. "Ясно, что водитель аэробуса не обратил внимания на частоту охраны. Он летел прямо в запрещенное пространство порта несмотря на повторяющиеся предупреждения, а ты знаешь, как чувствительны СОВ к безопасности с того дела в прошлом году с сумасшедшим пилотом воздушного лимузина."

"Я понимаю."

Шпондер отпил своей водки и обвел взглядом огромный обеденный зал на верхнем этаже Отеля Владимир Земковский. Он помнил, когда это был Отель Орлиное Гнездо. Но это было перед тем, как его переименовали в честь дяди Шимона пять Т-лет назад. Никто не называл его больше Орлиное Гнездо.

Во всяком случае, не тогда, когда кто-то мог услышать.

"А Людвика официально подписала рапорт?" - спросил он через секунду.

"Это не ее работа, не так ли?" - Земковский посмотрел через свой стакан водки. "Она же генерал, командующий СОВ. Я уверен, кто-то пониже - вероятно Павликовский - выпустит заключительное заявление об этом. Или как это у военных называется. Я полагаю, есть какой-нибудь чин в военной цепочке командования для этого. Боюсь, это не моя область."

"Нет, конечно нет." Шпондер пошевелил пальцами в жесте, означающим "неважно", а потом поднял ту же руку, призывая официанта. "Я полагаю, русские пироги должны быть особенно хороши сегодня," - сказал он. "Я думаю, мы начнем с них и бутылки крупника. Что ты выбираешь на второе?"

* * *

"Заказали быстрее, чем я ожидал," - заметил Винсент Малаковский.

"Ты должен обращать внимание на попутные изменения." Тон Гжегожа Зелинского был мягко укоряющим. "Мистер Шпондер сегодня занятой человек. Речь в госпитале подняла его значение."

"И даже председатель должен был приспособить свое расписание для мистера Шпондера?" - спросил Малаковский сухо.

"Он не был должен, Винсент. Он сам решил так. Это из-за уважения." Зелинский покачал головой. "Вы, молодые люди, не имеете уважения к традиции. Председатель знал мистера Шпондера, когда был еще подростком. Он почти как другой дядя."

"Я знаю, знаю!" Малаковский взмахнул рукой в смешанном жесте признания и извинения. "Я полагаю, если кто-то в партии имеет право на некоторое дополнительное уважение от председателя, это мистер Шпондер."

"Что-то в этом есть," - согласился Зелинский. "Если мы сделаем заказ сейчас, тогда мы, наверно, успеем получить его."

"Хорошая идея." Малаковский кивнул и потянулся включить меню, не сводя глаз с двух человек за столом в приватном алькове. "Интересно, о чем они говорят?"

"Не наше дело," - ответил Зелинский, глядя в свое меню.

"Вероятно нет," - признал Малаковский.

Зелинский утвердительно промычал, листая меню, хотя оба знали, что это было не совсем точно. Отборным агентам Департамента Охраны Председателя не полагалось быть слепыми к политическим последствиям любых контактов председателя с кем-либо. Как отлично понимал Малаковский, их статус присягнувших офицеров Бюро Безопасности и Правды означал подчиненность Юстине Покрифке, возглавлявшей это бюро. Подчиненность, которая иногда - чаще, чем хотел бы Зелинский, - мало походила на официальное описание их обязанностей.

Он кончил заказывать и посмотрел поверх дисплея с меню, тренированным взглядом обводя обеденный зал, отмечая других агентов ДОП, стратегически расположившихся чтобы перекрыть все входы и выходы. Было время, когда такой сорт безопасности считался чрезмерным. Зелинский помнил, как Владимир Земковский отсылал своих телохранителей - всего трех или четырех - так, что мог идти прямо в огромные, дико восторженные толпы чтобы жать руки, хлопать по спинам, целовать детей или наклониться и подставить ухо какому-нибудь члену партии для частного сообщения или запроса.

Он скучал по тем дням.

"Проверка обстановки," пробормотал он и слегка кивнул в подтверждение, когда отклики пришли на его наушник.

На самом деле он не думал, что существовали активные планы убить председателя Земковского, но не был уверен в этом так, как хотел бы, а этот инцидент с аэробусом мог иметь неприятные последствия. Туристический аэробус, заполненный школьниками, не должен быть сбит военным истребителем в воздушном взрыве. Свыше восьмидесяти погибших - это было окончательное число, но что-бы ни говорили официальные СМИ и что-бы не было в открытых разговорах на электронных каналах, он знал, были слухи, что правительство преуменьшает число потерь. Он не думал, что это так; никто не может вместить больше, чем восемьдесят, максимум девяносто в один аэробус, однако эти слухи принимали опасный тон. Тон, реально направленный на то, чтобы сменить самого Земковского.

Так, что в этот раз вся возможная охрана была необходима.

Он увидел, что закуски председателя и его гостя прибывают, затем посмотрел, как другой официант тянется через его плечо поставить перед ним его собственную тарелку. Он пробормотал свои благодарности и взял обернутое салфеткой столовое серебро.

"Лучше ешь," - посоветовал он Малаковскому. "Если мистер Шпондер продолжит свои дела, а председатель решит пройтись с ним снова к гаражу, у тебя не будет много времени."

"Я знаю."

Малаковский взял свою вилку а глаза Зелинского вернулись к темноволосому, квадратнолицему человеку, сидящему за столом напротив Земковского.

Томаш Шпондер был на добрых двенадцать или тринадцать сантиметров ниже председателя, впрочем, Земковский был очень высоким человеком. Шпондер был также на тридцать Т-лет старше, чем председатель, он был аспирантом Владимира Земковского за десять лет до рождения Шимона Земковского. Он был уважаемый член Олигархии, группы невероятно богатых семейств, полностью доминировавших в экономике Системы Влоцлавек. Были времена, когда Томаш Шпондер был близок к персональной дружбе с Гжегожем Зелинским, но это было очень давно. В те ранние дни Агитации, когда они были членами недавно организованного Движения Национального Обновления. Тогда, когда ДНО преуспевало в движении к цели, получении политической власти для осуществления реформ, через урны для голосования.

Сегодня Шпондер вернулся в знакомый комфорт своей роли олигарха, а Зелинский к своей знакомой роли - защитника Олигархии. Иногда, не доверяя никому, он позволял себе быть разочарованным в Шпондере, но по крайней мере тот не был одним из "охотников за трюфелями" - неодобрительная кличка, полученная олигархами Влоцлавека, как немек на свиней Старой Земли, которые были импортированы на Влоцлавек Т-столетия назад первыми колонистами. Трюфеля Влоцлавека были местными грибами с мускусным, фруктовым и одновременно вяжущим вкусом, который был почти наркотическим, а не привезенными с Земли с тем же названием, но кабаны Старой Земли так-же хорошо искали их своими рылами.

Конечно, Шпондери не надо было охотиться за деньгами. Не то что-бы он задрал нос когда они пришли к нему - и пришли в большом количестве, учитывая его связи в партии - но у одного из основных семей Олигархии деньги были и прежде. Это было то, что сделало его таким полезным для ДНО, и он много жертвовал в казну партии в начале, не требуя возврата позже. Хотя требовать чего-нибудь от партии было плохой идеей, кто-бы ты ни был.

Он мог бы, вероятно, сделать это хорошей инвестицией, учитывая, сколько возможностей было у Трехсот. На самом деле их осталось несколько менее, чем триста в эти дни, они были оставшиеся члены первого центрального комитета ДНО. Вместо роскошных голографических значков, выпущенных для новых членов с большими партийными номерами, оставшиеся из этого комитета носили изношенные эмалированные булавки в лацканах, все, что они могли себе позволить в те дни. Еще печальнее было то, что многие из них -

Зелинский встряхнулся. Да, Шпондер нырнул в свою роль одного из элиты Влоцлавека как гром-рыба в воду. И, да, в результате он был богаче, много богаче, чем когда-либо. Но также он продолжал щедро жертвовать на благотворительность, он работал с Сестрами Бедных, которые основали и продолжали комплектовать Госпиталь Марии Урбанской в пригороде Ладовиско. Госпитальный кампус находился в беднейшей части столицы и семья Шпондер была связана с ним более двухсот Т-лет.

Он был также владельцем Газеты и Курьера Ладовиско, самого популярного столичного агентства новостей. Он купил агентство для партии в те ранние дни и выстроил из него самый влиятельный канал новостей на планете, но был намного менее активен в определении политики редакции, чем в те пьянящие дни. Сегодня было умнее дать партии управлять такими вещами, хотя Шпондери нравилось быть в курсе дел со своими уличными репортерами. Зелинский не любил думать о том, как часто газетчики узнают что-то важное быстрее, чем ББП или КИД, и Шпондер имел привычку передавать эти пикантные новости одновременно

Покрифке и Теофилу Штренку как только узнавал о них.

А еще было Издательство Зеленых Холмов. Никто не знал почему Шпондер назвал его так - не было никаких "зеленых холмов" возле того места в городе, где находился издательский дом - и только улыбался одному ему известной шутке, когда его спрашивали об этом. Но "Издательство Зеленых Холмов" распространяло тысячи экземпляров электронных и старомодных бумажных книг для детей из рабочих семей по всей звездной системе, особенно в Проектах здесь, в столице. Это создавало ему лучшую репутацию среди менее удачливых граждан, чем остальной Олигархии.

Что, один черт, не говорило многого.

Будь честным, Гжегож, сказал он себе. Это не то, что ты хотел. Вероятно это и не то, что он хотел, придя к этому. И ты так же плох, как он, но в своем роде. "Не высывайся" - так это называется. Не то что-бы это было большим сюрпризом. Этим всегда все кончается, не так ли? Просто давным-давно ты надеялся на много большее. Но "долго и счастливо" случается только в сказках.

* * *

"Я говорю тебе, что Теофил не будет счастлив от рапорта Павликовского." - тон Юстины Покрифке был таким же кислым, как ее выражение. " И все сидят тихо. Особенно после того, как этот ублюдок хакнул УВД. Если бы мы не были осторожны с этим, Агнешка, мы бы могли представить это. . . несчастным поворотом событий, скажем."

"Ты слишком беспокоишься," - сказала Агнешка Крживицкая, садясь за полированный стол в полтора гектара или около того в своем огромном оффисе. "А Теофил может быть так несчастен, как хочет. Он знает, с какой стороны хлеба намазано его масло, и если мы должны напомнить ему об этом, я уверена мы сможем найти подходящий способ."

Покрифке не возразила ей, никто не возражал Крживицкой если знал, что хорошо для него. Даже Министр Безопасности и Правды. ББП было самым страшным учреждением во Влоцлавеке, а Покрифке возглавляла его последние пятнадцать Т-лет. Это делало ее очень опасной персоной. Однако Крживицкая, чей титул был просто Первый Секретарь Партии и кто не имел никакой официальной должности в правительстве, была намного более опасна.

Шимон Земковский может называться Председателем Партии и играть красивыми игрушками в оффисе, но Крживицкая очень тихо получила настоящую власть из-за трона еще до смерти дяди Шимона. За глаза ее называли Первый Аппаратчик - высшая должность среди бесчисленных бюрократов, управлявших Партией и через это - правительством.

Палата Депутатов, ассамблея номинальных представителей номинальной республики, собиралась регулярно в своем величественном помещении, где номинально занималась делами Республики. Но никто не мог быть выбран депутатом, если он или она не имели хорошего положения в Партии, а Крживицкая была сторожем партийных ворот. Никто во всей Республике Влоцлавок ни шел никуда, ни работал нигде, ни мечтал ни о чем без разрешения Секретариата Партии. Миниатюрная Крживицкая (ее рост был сто сорок семь сантиметров) эффективно контролировала секретариат и политические кладбища Влоцлавека - не говоря о настоящих кладбищах - были завалены людьми, которые угрожали - или казалось что угрожали - ее власти.

Ничто из этого не означало, что она была сделана из армопласта, хотя были времена, что

казалось она не подозревает об этом.

"Я не говорю, что Теофил будет возражать нам или официально запросит выводы расследования," - начальник секретной полиции Влоцлавека сказала ей сейчас. "Я говорю, что он не будет счастлив с этим. Есть разница между незапрашиванием выводов и поддержкой их с бесстрастным лицом."

"Ты полагаешь, там есть что-то, вызывающее вопросы?" - Крживицкая лукаво улыбнулась и Покрифке фыркнула.

"Бога ради, Агнешка, каждый с работающими мозгами знает, что это отмазка." Она осторожно исключила слово "очередная" перед "отмазка", но знала, что Крживицкая все равно услышит это. "Этот водитель аэробуса так и не понял, что был в охраняемом пространстве. Если на то пошло, он и не был в нем - не легально, во всяком случае - но сейчас, благодаря этому взлому файлов воздушного движения, по крайней мере две трети Ладовиско знают, что никакого предупреждения не было. В конце следующей недели будут знать две трети планеты! Я говорила тебе еще до взлома, что было бы умнее признать вину Левандовской и бросить ее волкам. Видит Бог, она заслужила это! Я все еще думаю, что это умный ход, особенно теперь, когда все вышло наружу. Как только рапорт расследования будет официальным не будет никакого дьявольского способа, которым мы сможем сделать это позже."

"А? И ты хочешь объяснить Иерониму, почему его кузина обвиняется в ста двадцати трех случаях безрассудного убийства?"

Крживицкая села глубже в свое кресло, подняла брови, скрестила пальцы на груди и Покрифке почувствовала, как сжимаются ее челюсти.

Конечно она не хотела быть тем, кто скажет Иерониму Мазуру что-нибудь подобное! Крживицкая могла быть самой сильной в правительстве Влоцлавека, но глава АЭМ Мазур был самым сильным во Влоцлавеке. Имя "Ассоциация Экспортеров Морепродуктов" было более безобидным - и вводящим в заблуждение - чем многие другие названия учреждений Влоцлавека, но это был настоящий оплот Олигархии. АЭМ существовала более трехсот лет и несмотря на свое имя представляла многоотраслевой союз рыбопромышленников, банкиров, индустриальных магнатов и межзвездных торговых домов.

А Виктория Левандовская, глава личной охраны Мазура - и внутренних сил безопасности АЭМ - случайно была родственницей Иеронима. Этого было достаточно, чтобы побудить любого уважающего себя олигарха запретить любое расследование ее действий, а то, что Мазур знал, что он может рассчитывать, что она выполнит любой его приказ без вопросов и даже без размышлений - предполагая ее способность к размышлениям, что кажется сомнительнее, чем обычно, учитывая последние события - только делало его еще менее склонным разрешить что-то похожее на честное расследование. Он конечно не собирался позволить ничего, что придет к выводу, что она фактически не предупредила аэробус перед тем, как приказала своим людям сбить его. А особенно не когда это случилось на общественной транзитной линии через частное воздушное пространство, а не в закрытом пространстве космопорта, как утверждалось в расследовании, которое вскоре должно закончиться.

И которое случайно пришло к выводу, что был истребитель СОВ, прикрывающий воздух над космопортом Ладовиско, который сделал фатальный выстрел, а не аэромобиль частной безопасности АЭМ, находившийся в двух с половиной километрах вне восточного периметра космопорта.

Конечно, не имеет значения, что случилось с этим аэромобилем десять секунд позднее, не так ли? Этот пилот истребителя должен благодарить свою счастливую звезду, что Мазур более заинтересован спасти Левандовскую, чем раздавить его. Обвиняющий лейтенанта в том, что он сбил убудка, нажавшего курок, рискует открыть всю банку с червями для всеобщего обозрения, а они не могут допустить этого, не так ли? Нет, нет. Лучше сделать все секретно и тихо, рука руку моет, как всегда.

Но это особый случай, думала Покрифке горько. В этот раз есть убитые дети. Может быть просто дети из Проектов, но все же дети, будь оно все проклято. Люди могут стерпеть многое - или по крайней мере пригнуть головы, закрыть рты и держать при себе свои мнения - но этот случай особый. Уже есть много гнева, а будет еще больше. Особенно когда люди начнут сравнивать официальные выводы с этой контрабандной копией расшифровки воздушного движения. И мне бы не хотелось знать, какой ад из этого выйдет!

Она думала высказать все громко, но не очень твердо. Она бы не возглавляла ББП так долго, не научившись играть в эти игры. И она не хотела бы, чтобы Крживицкая или Мазур спросили ее, как были взломаны файлы, о которых идет речь. Технически, за безопасность этих файлов отвечала Федеральная Полиция под зонтиком Криминально-Исследовательского Департамента Теофила Штрэнка. Но Федеральная Полиция никогда не имела доступа к этим файлам и последнее, что хотела Покрифке - дать КИД крутиться вокруг ее файлов. Когда-то она была младшим партнером и протееже Штрэнка в КИД. Она точно знала что он думает о том, что она сделала со своей жизнью с тех пор и мысль, чем может кончиться расследование под его эгидой, заставляла болеть ее желудок.

Кроме того, никакие протесты с ее стороны не изменили бы ничего в конце. Мазур уже решил, чем это кончится и Крживицкая не собиралась спорить с ним из-за такого пустяка, как аэробус, загруженный мертвыми детьми, если ни один из них не был ее ребенком.

* * *

"Господи, как хорошо быть дома," - сказал Томаш Шпондер, падая в потертое кожаное кресло в маленьком офисе на бульваре Хейнлейна, 7707. Старомодные пружины кресла заскрипели, когда он откинулся назад и провел пальцы через свои темные волосы. Он надул губы и шумно выдохнул. "Еда как всегда хороша, но сегодня ее вкус, как у опилок."

Он покачал головой и показал на такое-же старое кресло с противоположной стороны стола.

"Садись," - сказал он и Ярослав Котарский уселся в указанное кресло намного более осмотрительно, чем Шпондер плюхнулся в свое. Частично потому, что Котарский был значительно крупнее, с ограниченной верой в физическую целостность кресла. Это могло также быть из-за его осведомленности, что упомянутому креслу было более трехсот Т-лет и когда-то оно стояло в офисе самого первого Президента Республики Влоцлавек. Как бывший профессор истории Влоцлавека в Университете Николая Коперника он имел больше уважения к происхождению кресла, чем казалось чувствовал тезка Президента Томаша Шпондера.

А возможно и нет. Даже после всех этих лет была в нынешнем Томаше Шпондере какая-то часть, которую он не делил ни с кем, исключая может быть его жену Гражину.

"Почему-то я думаю, что-то еще кроме еды испортило твой обед?" - спросил Котарский, когда Шпондер открыл охлаждаемый ящик стола и достал два покрытых инеем стакана и бутылку водки.

"Потому что ты меня хорошо знаешь?" - предположил он, открыл бутылку и разлил. "Или

потому, что я такой прозрачный тип?"

"Прозрачный" не самое первое слово, которое приходит в голову когда я думаю о тебе...слава Богу." Котарский принял один из стаканов и поднял его в быстром бессловном тосте, затем опрокинул его содержимое и поставил стакан на стол. "Так! Кроме несварения, как это было?"

"Примерно как ожидалось." Шпондер устало помассировал виски. " Я говорил с Шимоном - бесполезно, конечно. Как говорить с тряпочной куклой Крживицкой!"

"Это несправедливо, ты знаешь, Томаш. Я знаю, как он расстроен и он определенно не такой, какой был Владимир. Но," - Котарский грустно улыбнулся, - "Владимир не был тем, кем он стал в конце, не так ли?"

"Нет," - Шпондер вздохнул, роняя руки на подлокотники кресла. - "Нет, не был."

"Ты получил шанс поговорить с кем-нибудь еще?"

"Я устроил "столкновение" с Теофилом в лобби, но я бы не сказал, что у нас был реальный шанс "поговорить" об этом. Судя по его выражению когда я улучил возможность шепнуть ему в ухо предостережение о слухах с улицы, он не очень доволен тем, куда это все идет. Я имел возможность заглянуть к Юстине и Бьорну, пока я был в Канцелярии Партии. Я не думаю, что они были рады видеть меня, но они были достаточно вежливы. Не знаю насчет Бьорна, но Юстина очевидно чем-то обеспокоена. В данный момент я вижу только одну кандидатуру на это что-то"

"Куджиновский не обеспокоен этим? Это интересно," - сказал Котарский. "Я думал, сейчас это больше на его тарелке, чем Покрифке."

"Очевидно, он так не думает," - сказал Шпондер кисло и разлил еще водки.

Котарский кивнул, но его глаза были задумчивы. Бьорн Куджиновский возглавлял Комиссию Свободы и Социальной Справедливости, которая была самым мощным неполицейским агентством в Республике. Его комиссия совмещала функции старых министерств промышленности, труда и торговли, и аэробусные школьные экскурсии были частью программ пропаганды КССС. Кто-то мог подумать . . .

"Я удивляюсь, какая сильная рука есть у него за сценой для создания реакции Крживицкой и Сосабовской на это," - пробормотал он громко.

"Я не думаю, что Сосабовская хочет влезть в это," - сказал Шпондер, закрывая бутылку водки. "Как отметил Шимон, расследование проводится Инспекцией Вооруженных Сил. Это контора бригадира Павликовского, а он настоящий карьерный офицер. К несчастью это означает, что он подпишет все, что ему прикажут подписать, согласен он с этим или нет. Я чертовски уверен, что нет, но у него есть жена и собственные дети. И, кроме того, не кажется, что его отношение что-то изменит, не так ли?"

Он грустно покачал головой и отпил водки. "Он подпишет и это изолирует Сосабовскую от всей этой грязи. Я сомневаюсь, могла бы она сделать что-нибудь, если бы хотела, но это снимает ее с крючка так что она не должна и пытаться. И," - добавил он нехотя, - "это также убирает ее пилота с линии огня. Этот молодой человек сделал точно то, что должен был сделать. И я счастлив, что он не пойдет под суд за это."

"Они в самом деле могут думать, что все кончится . . . ничем, не так ли?"

"Я не думаю, что их беспокоит, кончится это ничем или нет." Шпондер поставил свой стакан очень точно в центр своего блокнота, сделал треугольник из своих указательных и больших пальцев и смотрел на это несколько секунд, как медиум, консультирующийся со своим хрустальным шаром. Потом поднял глаза. "Я думаю, что им не важно, как мужчина или женщина с улицы реагирует на это - или на что-нибудь еще, ничего более. Они далеки от этого, Ярослав."

"Черт." Слово было сказано с печалью, а не с удивлением, и Котарский глубоко вздохнул и покачал головой.

"Не то, что мы не видели этого, Томаш," - сказал он. - "Была же причина у тебя основать Крестовый Поход - да, и дать мне работу после того, как Университет вышвырнул меня."

"Я знаю. Просто это . . . это так сильно задело, когда я сидел там, против Шимона, вечером. Он выглядел таким похожим на Владимира, и он был совершенно равнодушен к любым доводам за то, что он должен что-то с этим сделать. Вот что хуже всего, Ярослав. Я думаю, он в самом деле равнодушен к этому, а не просто закрывает глаза и притворяется, что не видит, как остальные аппаратчики. Он настолько далек от всего, что его дядя пытался осуществить. Ты знаешь как и я, что даже в самом конце Владимир не стоял бы, глядя, как партия заматывает под ковер сто убитых детей! Никогда!"

"Вероятно нет," - согласился Котарский, хотя глубоко внутри он не был так уверен. Он знал Земковского даже дольше, чем Шпондер, и он хотел согласиться. Но все-таки, человек, создавший ДНО был так глубоко схвачен системой - и был так устал и изношен - он мог и в самом деле дать этому пройти. Хотя, может быть и нет, а одним из наибольших преимуществ Томаша Шпондера была его верность. И было бы не просто нереалистично, но и жестоко спорить с ним о его давно умершем друге.

"К несчастью," - сказал он вслух, - "мы имеем дело с Шимоном, а вернее - с Крживицкой и с Мазуром - не с Владимиром. А из того, что ты говоришь, видно, что ситуация становится все более уродливой. Если они хотят игнорировать такое, только вопрос времени, когда они проигнорируют что-то худшее. А из того, что мы слышим от ячеек нижнего уровня, есть много гнева и могут быть устроены настоящие беспорядки. Томек и я просмотрели последние рапорты пока ты не наслаждался обедом и совершенно ясно, что оттуда создается большое давление. Мы могли видеть беспорядки, приходящие из Проектов . . . и это не считая реакции наших людей."

"Замечательно"

Шпондер встал, подошел к единственному окну маленького офиса и посмотрел на улицу далеко внизу. Она выглядела такой спокойной и мирной, но ему было нетрудно вообразить совсем другую сцену. Он видел достаточно уличной резни, когда он, Владимир Земковский и идеалисты - студенты колледжа, которые представляли так много первоначального горячего энтузиазма ДНО атаковали коррупцию старой Республики.

Как бы он не любил Земковского, он убил бы его тогда на улице, если бы подозревал, чем станет ДНО в конце.

"Будет больше крови, чем было во время Агитации," - сказал он мягко, прижимая свой лоб к кристопласту - "ББП и КССС адски много глубже встроены, чем старые полиция и служба безопасности. И более безжалостны. Олигархия выучила свои уроки. Если они применяют ту тактику, которую хотят применить Покрифке и Крживицкая, мы никогда не увидим партию

легализованной, в первую очередь. Они не сделают эту ошибку во второй раз."

"Конечно нет, и ты знал это с самого начала. Поэтому мы так организованы. Вопрос только, придет или нет для нас время, более . . . подходящее для действий."

Шпондер кивнул от окна, его глаза закрылись. Котарский был прав. Он так сильно предпочитал иметь возможность агитировать для новых выборов, как он и Владимир агитировали много лет назад, но он знал задолго до смерти Владимира, что это не случится во второй раз. Поэтому он начал создавать Крестовый Поход Свободомыслия, за три года до финального удара Земковского. Этот шаг не дался ему легко, но он сделал его с широко открытыми глазами. И он знал тогда, что не будет вопроса, придет время или нет, будет вопрос - когда.

"Мы еще не готовы." Он отвернулся от окна, чтобы посмотреть на человека, которого он завербовал, как интеллектуального лидера Похода и поднял руку, когда увидел протест, возникающий в глазах Котарского. "Я не подразумеваю, что наши люди не готовы, не знают, что мы попросим у них, Ярослав. Я подразумеваю, мы не готовы физически. Мы сделали - ты сделал - выдающуюся работу построения готовности, дисциплины, которая нам нужна, но у нас нет инструментов. И, откровенно говоря, я боюсь, будет намного труднее получить эти инструменты в руки наших людей, чем я думал раньше. Покрифке и ее люди - и люди Мазура, в этом отношении - сделали адски трудным контрабанду чего-либо в систему и из нее. Получить оружие в обход их будет тем, что Томек зовет а *corper-plated bitch* (очень трудная задача)."

"Мы уже запасли довольно много оружия," - запротестовал Котарский и Шпондер фыркнул.

"Довольно много" и отдаленно не похоже на "достаточно", Ярослав. Особенно когда наши "запасы" состоят из устаревших, времен до Агитации, импульсных винтовок и менее, чем двух тысяч единиц гражданского огнестрельного оружия. Для бунта и мятежа это может быть много. Но не ты ли обычно учил студентов разнице между мятежом и революцией.

"Да, я учил. И тут ты прав."

"Точно. Революция это успешный мятеж. А мятеж, напротив, это когда всех убивают. Я не собираюсь быть частью этого, Ярослав. Но я не ожидал этого аэробусного дела и я не воображал, что нечто похожее случится так скоро. Я переводил деньги вовне системы понемногу за раз, но этого и отдаленно не достаточно чтобы купить то оружие, которое нам нужно. Хуже того, у меня нет никакой идеи, как получить оружие на планету после того, как я найду кого-то, кто согласится продать его нам!" Он тонко улыбнулся. "Так-что стряхните пыль с ваших исследовательских навыков, профессор. Придумайте где мы можем купить то, что мне нужно чтобы вырвать горло у политического памятника моему лучшему другу."

<http://tl.rulate.ru/book/10132/193959>